

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ

Я ВСЮ ЖИЗНЬ ИДУ ДОМОЙ...

БЕЗ МЕНЯ

Плаксивый вокзал с мордатými часами.
В нём ожидание — сродни тоске.
Снова я уезжаю, оставляя родину свою.
Завершилась тёплых зорь продажа.
Бесплатно раздаются предзимние туманы.
Без меня зима зайцем-беляком промчится
по озябшим притихшим просторам,
утверждая до весны морозную власть.
Без меня в родной деревне чужие люди
в нахрапистые метели будут сидеть у окна,
как когда-то сидел и я, слушая её музыку,
звучащую таинственно в печной трубе.
Без меня старики будут просить Бога
проявить к ним вынужденное сочувствие
и разрешить им дожить до теплыни,
чтобы могилы не рыть в мёрзлой земле.
Без меня люди будут радоваться
обильному снегу — подспорью урожая —
и с нетерпением ждать появления на свет
игривых ягнят и неуклюжих телят.

АНДРЕЕВ Владимир Петрович родился 2 декабря 1947 года в деревне Мордовские Каратаи Татарской АССР. Окончил Казанский государственный университет и Северо-Кавказский государственный технический университет. Служил в рядах Советской Армии. Работал агрономом, инструктором орготдела Камско-Устьинского РК КПСС, избирался главой города Радужного. Автор многих книг. Член Союза писателей России. Живёт в Нижневартовске.

Без меня там на кладбище похоронены
ушедшие рано мои лучшие друзья;
залесился некогда оголённый Лобач*;
пустая Волга шибко оскудела на рыбу;
отчий край стал напоминать улус орды,
и дым Отчизны принял запах кизяка...

ДОРОГА ДОМОЙ

В те годы я походил на герань у холодного окна,
ждушую жаворонковую проталину весны:
моя жизнь была куском железа между
молотом и наковальней из-за взрослых драм,
грубо вторгавшихся в заповедное ребячество
и очерствяющих скверным ранним опытом
подаренное судьбою жалостливое сердце,
и не потому ли детство держало меня за руку,
боясь потерять в толпе высокомерных дней.
В тот незабываемый день ради больной мамы
я, вытащив отца из объятий осуждаемой любви,
упорно вёл его домой из дальней деревни,
прилежно слушая искреннюю исповедь,
как мне казалось, неисправимого грешника.
Отец, с утра гостеприимно опохмелённый,
с запасной чекушкой в кармане пиджака,
захватывающе играя и голосом, и слезами,
умело, как оратор, жестикулируя руками,
всё рассказывал и рассказывал о себе.
Многое ли я, десятилетний малец, мог понять
в той театральной исповеди, если как ребёнок
являлся защитником матери? А может, отец
нарочно поставил тот спектакль, чтобы я
испытал благоговение к туманным словам
близкого человека, кому был обязан жизнью?
Несмотря на левые походы и скандалы,
отец тихо скончался на руках матери,
и она часто жаловалась с тоскою в голосе:
“Сам ушёл, а меня тут оставил одну...”
Не это ли было подтверждением их любви?
Я всю жизнь иду домой и никак не дойду,
да и как дойти, если он давно дымит на небесах?..

БАЛЛАДА О ДОВЕСКЕ

В те победные, холодные, голодные,
но с твёрдой верой в лучшее завтра,
годы послевоенные для нас, пацанов,
не было в мире лакомства желанней,
чем тёплый довесок чёрного хлеба —
нечаянного подарка сталинской торговли.
До чего же долго, словно урок чистописания,
к окошку хлебного ларька тянулась очередь,
напоминающая жадную руку нужды!
Мы, дети, особо не вникали ни в ссоры,
ни в хамские обманы с местом в очереди,
ни на окрики Трубки — обязательного

* Лобач — утёс на месте слияния Камы с Волгой.

персонажа по наведению порядка.
Заранее предвкушая сытно пахучее тело
довеска, радостно греющего ладонь,
и тяжесть буханки в старой авоське,
бывало, и не одной, если, конечно, повезёт,
стыдились громкого урчания в животе
и торопили время, как заблудшую овцу,
чтобы остаться с довеском наедине.
Прожив худо-бедно не один десяток лет,
поколесив немало по белому свету,
вкусив не однажды яства высшей пробы,
могу сказать: такой вкуснятины,
как те довески, я больше не ел никогда.